

рассуждать и умозаключать, исходя из этих принципов и тем самым диалектически обогащать свое содержание, она есть знание, или наука (*gnosis, episteme*); если мысль прилагается к практическим делам, к действию, она становится искусством (*techne*); но и тогда, когда она обращается к благочестию, верит Слову и направляет нас на исполнение его повелений, она не перестает быть самой собою; единство мысли, которая верует, управляет действием и стремится к знанию, и дает ту единственную мудрость, которая включает в себя все эти виды деятельности.

Благодаря тому что она является единственной, мудрость вносит порядок в самое философию. Как вакханки разодрали на куски тело Пенфея\*, так и философские секты разрушили естественное единство истины: каждая обладает лишь кусочком, однако хвастается, что обладает ею целиком. В самом деле, прежде всего надо произвести разграничение. Есть такая философия, которую христианство не может усвоить вследствие ее ложности. Впрочем, критика Климента весьма снисходительна. «Эпикур, — пишет он в «Увещании», — единственный философ, о котором я охотно умолчу, ибо что еще делать с атеистом, который полагает исходным принципом возжелание?» Тем не менее и из него Климент извлекает пользу на собственный манер: слова св. Павла о безумии мудрых мира сего могли быть направлены против Эпикура. Отбросив дурное, нужно выбрать из остального. Термин «философия» обозначает у него не какое-то специфическое учение — учение Платона или Аристотеля не в большей степени, чем учение Эпикура, — а, скорее, научение справедливости и благочестию, в чем сходятся многие школы, очень разные в остальном. Таким образом, христианская вера является принципом отбора, который позволяет сохранить из каждого учения то, что в нем есть истинного и полезного. Климент особенно выделяет двух учителей: Пифагора — человека, просвещенного Богом, и Платона, вся философия которого обращена к благочестию. Что касается стоиков, то, по мнению Климента, их теология ложна, так как они считают Бога материальным и присущим миру, но в их этике много хорошего и не будет ошибкой ею воспользоваться. Философия, понимаемая таким образом, как бы представляет собой род эклектики, направляемой верой, которая есть госпожа философии, так же как философия — госпожа свободных искусств.

Бог у Климента Александрийского столь же непознаваем, как и у других греческих теологов; если Платон и Филон ставили Его выше всего сущего, то Климент в «Педагоге» (I, 8) помещает Его не только вне бытия, но и выше самого Всеединства. Это значило пойти еще дальше — несомненно, под влиянием таинственного Гермеса Трисмегиста\* \*; позднее так же далеко зайдет Плотин. Мы знаем Бога только через Сына. Мудрость и сила Бога — Слово (*Logos*) — вечно, как и Он, и единосущно Ему. Не будучи еще достаточно стройной, теология Слова, проповедуемая Климентом, — это заметный прогресс по сравнению с апологетами. Сын, или Слово, которое Бог Отец изрекает, не отделяя от Себя, является в то же время Тем, чем был сотворен мир, его прови-

Часть 3.

### 41 3. Александрийская школа

пением и источником света для живущих в нем мыслящих существ. Созданный Богом по Его образу, человек одарен душой, сущность которой чище, чем у других живых существ. К сожалению, состояние дошедших до нас текстов не позволяет утверждать что-либо наверняка о психологии Климента, ни даже о том, что он думал о спиритуальности души или как понимал ее бессмертие. В то же время, настаивая, как и его предшественники, на наличии у человека свободной воли и на ее силе, Климент яснее, чем они, высказывается